

ДЕНО

Илья Зиман

Депо

<https://litres.ru/74573607>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Вы когда-нибудь видели, как в Москве наступает утро?», «Ваш маршрут совпадает с расписанием?», «Сколько у вас лиц: одно или столько же, сколько у всех в вагоне?», «Кто последним читал ваши письма?», «Вы уверены, что этот автобус едет туда же, куда и вы?», «Ваше отражение появляется в зеркале одновременно с вами?», «Вы знаете, кто правит городом, который лежит под вашим?», «Вы готовы перестать стараться?» Голос диктора называл их ровно, как называют остановки, и никто в салоне, кроме меня, не поднимал головы. Только на десятом вопросе, «Вы желаете?», я наконец пришёл в себя и хотел было спросить у старика на последнем сиденье, что всё это значит, как вдруг на табло вместо номера маршрута медленно легла на бок восьмёрка. Бегущая строка под ней гласила: «Всем желающим просьба покинуть автобус. Автобус следует в Депо».

Нуарная повесть о Китай-городе и современном апостоле Павле, которому, чтобы прозреть, нужно было полюбить.

Содержание

I. Конечная	4
II. Палатка	8
III. Лемниската	11
IV. Точка пересечения	15
V. Актуальная бесконечность	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Илья Зиман

Депо

I. Конечная

Автобус шёл через Китай-город медленно, словно тоже отработал смену. Я смотрел в окно, прислонившись лбом к холодному стеклу.

Ночью Китай-город не спит, он просто меняет вывеску. Днём здесь делают вид, что работают, ночью — что отдыхают. Из подвалов на Покровке сочился розовый неон, у дверей баров стояли очереди, будто там раздавали что-то важное. Девушка в блестящей куртке и грязных «Нью-роках» смеялась в телефон так громко, что я слышал её сквозь стекло. Никто из них не смотрел на автобус. Ночной автобус — это то, чего не замечают, пока он не понадобится.

Между домами торчали обломки старой стены, как зубы в стёршейся челюсти. Когда-то она отгораживала посад от остального мира. Теперь отгораживать нечего, а она всё стоит, потому что никто не отдал распоряжения её убрать.

Проплыла Старая площадь. Там всегда горят окна, в любую ночь. Я долго думал, что там кто-то работает. Потом понял, что свет просто никто не выключает.

Розовый неон, жёлтые окна, серая стена. Три аспекта бы-

тия на одной улице, и ни один не замечает двух других.

Почти для всех Китай — это страна, но для меня это определённо город.

В салоне нас было пятеро: я и четверо бездомных, разложенных по сиденьям, как забытые пальто. Маргиналы и бездомные — типичные мои компаньоны, каждый день когда я еду с работы поздно ночью. Пахло мокрой одеждой, перегаром и ещё чем-то неуместным: сырой землёй, грибами, подвалом старой дачи. Я закрыл глаза, и под веками тут же поплыли зелёные точки. Пять часов я двигал их по карте, а они ползли куда хотели. Где-то в офисе, на чьём-то мониторе, я сейчас опаздывал.

Диктор что-то объявил. Я не вслушивался: за два года эти голоса стали для меня таким же фоном, как гул мотора. Остановка, конечная, просьба освободить салон — мозг пропускает знакомые слова, не разбирая.

— Всех желающих просьба покинуть автобус. Автобус следует в Депо.

Я встал раньше, чем решил встать. Ноги просто подняли меня и понесли к задней двери. На последнем сиденье, привалившись к окну, спал старик с бородой, в которой застряли крупинки каши. Когда я проходил мимо, он открыл один глаз и подмигнул мне. Не дружелюбно и не насмешливо. Так кондуктор кивает, проверив билет.

Я спустился на тротуар и по привычке обернулся проверить номер, мне показалось странным, что автобус, на кото-

ром я всегда доезжаю домой остановился на полпути. На боковом табло, там, где всегда горела восьмёрка, лежала на боку бесконечность.

И только тогда до меня дошли слова диктора. Не «конечная», не «просьба освободить салон», а «всех желающих». Автобус следует в Депо.

Это пришло не как мысль, а как наитие: будто фраза была сказана лично мне, и тело ответило на неё раньше, чем я понял вопрос. Я ведь встал. Значит, желал? Но чего? Я пытался понять, был ли я одним из этих желающих, и не мог. Усталость выскоблила из меня все желания, кроме одного — лечь. Вряд ли диктор имел в виду это.

Я шагнул обратно к двери, сам не зная зачем: то ли переспросить, то ли доехать и проверить. Двери сомкнулись прямо перед моим лицом с мягким вздохом. Так закрывают дверь не перед опоздавшим, а перед тем, кому туда ещё рано.

Автобус тронулся и поплыл в сторону Солянки.

Мотора я так и не услышал.

* * *

Я стоял на пустой остановке и смотрел туда, где только что был автобус. Улица была ровной и тихой, будто по ней никто никогда не ездил. Даже неон с Покровки отсюда казался далёким, как чужое окно.

Понятно, что это было. Двадцать часов без сна, пять из

них перед мониторами. Мозг просто начал дорисовывать: голос диктора, табло, старика с кашей в бороде. Где-то я читал, что на третьи сутки без сна люди слышат, как их зовут по имени. Мне повезло, меня позвали всего лишь выйти.

Через двенадцать минут пришёл следующий восьмой. Обычный: восьмёрка на табло стояла на ногах, за стеклом кабины зевал водитель, в салоне спали двое. Я сел у окна и всю дорогу не закрывал глаз.

От куртки пахло сырой землёй.

II. Палатка

Домой я добрался к трём. Я снимаю квартиру в панельке на окраине, там, где ночные маршруты уже не ходят, а дневные ещё не начались.

Живу здесь четвёртый год, и в коридоре до сих пор стоят две нераспакованные коробки. Квартира похожа на палатку, которую разбили на одну ночь и забыли свернуть: раскладной диван, стол у окна, рубашки на спинке стула. Ничего, что нельзя унести за один раз. Я никогда не понимал людей, которые вешают на стены картины. Картина — это обещание остаться.

Отец всю жизнь шил тенты для фур в гараже за домом. В детстве я сидел рядом и смотрел, как игла проходит сквозь брезент. Мне досталась от него только эта привычка: не держаться за стены. Стены — дело временное, тент можно свернуть и уехать.

В ванной висит зеркало, помутневшее задолго до меня. Я вижу в нём себя смутно, будто сквозь запотевшее стекло, и давно перестал его протирать. Яснее всё равно не станет.

Глаза болели. Окулист говорит, что это от мониторов, и выписывает капли. Я пишу отчёты крупным шрифтом, и коллеги посмеиваются. Пусть.

Я лёг не раздеваясь. Под веками снова поплыли зелёные точки.

Меня зовут Павел Савельев. Мне двадцать пять лет, и я живу один. Не потому что так решил. Просто так вышло, а потом я перестал считать это проблемой.

Я работаю аналитиком в отделе ночных маршрутов ТАРС — Транспортного агентства развития столицы. Каждую ночь по Москве идут сорок три автобуса, и каждый из них — зелёная точка на моём мониторе. Спутник сообщает, где точка находится. Расписание сообщает, где она должна находиться. Моя работа — объяснять разницу.

Смена начинается в восемь вечера и длится часов пять, до часу ночи. Меня это устраивает. Я не выношу Москву утром и днём, а хуже всего в шесть вечера, когда она вся разом едет с работы: час пик, давка в метро, люди, которые бегут так, будто опаздывают на собственную жизнь, разговоры по телефону на ходу.

Но страшнее всего мне смотреть на лица. Сотня человек в вагоне, и все как один уставились в телефоны одинаково пустым взглядом, подсвеченные снизу холодным голубым светом. Меня от этого мутит, и я долго не понимал почему. Потом понял: я узнаю этот взгляд. Так я сам смотрю на зелёные точки, пять часов подряд, каждую ночь.

Вся эта деятельность, после которой не остаётся ничего, кроме усталости. Я выхожу из дома, когда она схлынет. Днём я сплю или пытаюсь спать, город за окном не очень-то даёт. По-настоящему я существую только вечером и ночью, когда суета уляжется и останется то, что под ней.

Разницу между тем, где автобус есть, и тем, где он должен быть, я объясняю в отчётах. Перед уходом я каждый раз рассылаю их по сорока адресам: в департаменты, в управления, начальникам секторов. Пишу подробно, с графиками, с выводами и предложениями. Это мои письма. Иногда мне кажется, что их кто-то читает. Потом я открываю почту и вижу, что статус не меняется.

Не прочитано.

Самое странное в моей работе даже не это. Самое странное, что чем точнее я корректирую расписание, тем сильнее точки от него уходят. Я сдвигаю интервал на две минуты, а автобус опаздывает на семь. Я перестраиваю маршрут, а он пропадает с карты где-нибудь у Яузы и возвращается через сорок минут, как будто никуда не исчезал. Будто система сопротивляется именно моему старанию.

Я заснул на мысли, что завтра надо будет отчитаться за автобус, которого, скорее всего, не было.

III. Лемниската

Следующим вечером, едва сев за стол, я первым делом открыл архив ГЛОНАСС.

Восьмой маршрут, вчера, с часу до двух. Если автобус был, на карте должен был остаться след. Если не было, значит, мне нужно меньше работать и больше спать.

След был. Он шёл по Покровке, сворачивал к Китай-городу и обрывался на остановке в 1:47. Дальше ничего. Ни сбоя связи, ни отметки о прибытии в парк. Автобус просто перестал существовать для спутника. Ровно в ту минуту, когда я вышел.

Я закрыл окно и посмотрел на пустую чашку. Совпадение. В системе таких обрывов по десятку за ночь, я сам пишу о них отчёты.

— Опять не спал?

Семён поставил передо мной кофе и сел на край стола, как садился всегда, не спрашивая. Он вообще никогда ничего не спрашивал, просто приходил и оставался. Наверное, поэтому мы и дружили: я бы сам никого не позвал.

— Спал, — сказал я.

— Врёшь, Святоша. У тебя глаза как у карпа на рынке.

Святошей он звал меня с первой недели. Говорил, что у меня лицо человека, который знает, как правильно, но никому не скажет. Я так и не понял, комплимент это или нет.

Спрашивать не стал.

У Семёна стол был завален распечатками. Графики, матрицы, какие-то кривые, нарисованные от руки поверх таблиц. Он работал над своим алгоритмом третий месяц, и все в отделе знали, что после него Семёна повысят. Знали, хотя никто не понимал, что именно он делает. Начальство не вдавалось в детали. Начальство вообще не вдавалось.

— Слушай, — сказал он, — ты же видишь, что у нас всё неправильно?

— Вижу.

— Нет, ты не понял. Не «плохо работает». Неправильно в принципе. Мы строим маршрут как линию: из парка — по кругу — в парк. Автобус каждую ночь рождается и умирает. Выезжает и возвращается, выезжает и возвращается. Это же расточительство. Энергия уходит на начало и конец, а не на путь.

— И что ты предлагаешь?

— Чтобы он не возвращался.

Он взял ручку и нарисовал на обороте моего отчёта две петли, переходящие одна в другую. Перевернутую восьмёрку.

— Лемниската. Автобус заканчивает один маршрут и сразу перетекает в другой. Без парка, без пересменки. Вечный маршрут. Конец одного — это начало следующего, и так без остановки.

Я смотрел на рисунок. В кабинете гудели серверы, где-то

за стеной капала вода в батарее.

— А водитель? — спросил я.

— Что водитель?

— Ему же когда-то надо выйти.

Семён улыбнулся так, будто я задал детский вопрос.

— Паш, это решаемо. Всё решаемо, если правильно посчитать. Хаос — это просто порядок, который ещё не посчитали.

— Или порядок — это хаос, который мы перестали замечать.

— Вот, — он ткнул в меня ручкой. — Вот поэтому ты Святоша. Ты всё время думаешь, что в мире есть что-то, чего нельзя посчитать. А его нет. Есть только то, что мы пока не посчитали.

Я мог бы рассказать ему про автобус. Про голос диктора, старика с кашей в бороде и бесконечность на табло, которую он только что нарисовал на моём отчёте. Семён бы выслушал. Может быть, даже не стал бы смеяться.

Но тогда бы это стало правдой. А пока я никому не сказал, это был просто мой недосып.

— Наверное, ты прав, — сказал я.

Семён допил свой кофе, хлопнул меня по плечу и ушёл к своим матрицам. Рисунок остался на обороте отчёта. Я хотел его выбросить, но вместо этого сложил лист вчетверо и убрал во внутренний карман.

Зачем, я тогда не знал.

* * *

Ближе к полуночи точка четырнадцатого маршрута сошла с линии где-то на Сущёвском валу и поползла во дворы, где автобусам делать нечего. Рука сама легла на мышь. Два года я делал в таких случаях одно и то же: звонок диспетчеру, отметка в журнале, пересчёт интервалов, абзац в отчёте.

Я не стал.

Просто сидел и смотрел, как зелёная точка петляет по переулкам. Через четыре минуты она вернулась на маршрут сама, ровно туда, где должна была быть по расписанию. Без единой секунды опоздания. Впервые за всю мою смену.

Об этом я в отчёте не написал.

IV. Точка пересечения

Письмо пришло в четверг, в 20:14, через четырнадцать минут после начала смены.

Руководство с радостью сообщало, что с понедельника Семён Аркадьевич назначается начальником сектора оптимизации ночных маршрутов, и желало ему дальнейших успехов. В копии стояли те же сорок адресов, по которым я каждую ночь рассылаю свои отчёты.

К девяти вечера письмо прочитали все сорок. Я проверил.

В ночную смену нас в отделе трое: я, Семён и диспетчер Галина Петровна, которая разгадывает кроссворды и снимает трубку только после третьего звонка. Охранник внизу не считается. Около одиннадцати Семён достал из рюкзака бутылку дешёвого шампанского и два бумажных стаканчика и кивнул мне на лестницу.

На площадке девятого этажа есть окно, из которого видно полгорода. Мы сели на подоконник. Внизу Москва медленно остывала после часа пик: красные хвосты машин тянулись к окраинам, как кровь от сердца.

— За Вечный маршрут, — сказал Семён.

— За начальника сектора.

— Да брось. Должность — это так, побочный эффект. Они даже модель не открывали. Я им прислал сорок страниц, а они просто от листали к последней, где написано «эконо-

мия топлива двадцать три процента». И всё.

— Ты удивлён?

— Нет. Я рад. Пусть не мешают.

Мы помолчали. Шампанское было тёплым и сладким.

— Знаешь, что я понял за эти три месяца? — сказал Семён. — Город — это просто очень большой алгоритм, к которому никто не написал документацию. Все эти люди внизу думают, что сами решают, куда им ехать. А на деле их маршруты можно посчитать с точностью до минуты. Я пробовал. Человек предсказуемее автобуса.

— И тебе от этого не страшно?

— Почему страшно? Это же красиво. Значит, всё можно исправить. Найти ошибку и исправить.

Я смотрел на огни внизу и думал о людях в метро, с одинаковыми лицами над телефонами. Их, наверное, и правда можно было посчитать.

— Есть одна старая книга, — сказал я. — Там сказано: идёт ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своём, и возвращается ветер на круги свои.

— Круги, — Семён фыркнул. — Круги неэффективны. Я бы этому ветру предложил лемнискату.

Я засмеялся. Кажется, впервые за несколько месяцев.

Потом Семён перестал улыбаться и заговорил тише, как будто нас мог кто-то услышать на пустой лестнице.

— Только есть одна штука. Не баг даже. Не знаю, как называть. В модели, там, где петли пересекаются, автобус на до-

лю секунды оказывается на двух маршрутах сразу. И ни на одном. Математически это нормально, просто особая точка. Но когда я гоняю симуляцию на реальных данных, автобусы в этой точке иногда пропадают. Не сбоят, а пропадают. Уходят с карты и не возвращаются.

— Где эта точка?

Он посмотрел на меня так, будто я должен был знать.

— Угадай.

Угадывать мне было не нужно.

— Китай-город.

— Китай-город, — кивнул он. — Логично, там все маршруты сходятся. Но вот что странно. Пропадают только те автобусы, в которых есть пассажиры. Пустые проходят точку спокойно. Как будто...

Он махнул рукой.

— Ладно. Ерунда. Где-то переменную не обнулил.

Внутри у меня тихо щёлкнуло: 1:47. Обрыв следа на остановке. Бесконечность на табло. Вот сейчас, подумал я, самое время сказать.

Я не сказал.

— Ты про это начальству писал?

— Зачем? Они бы всё равно не прочитали, — он улыбнулся. — Разберусь. Мне бы только своими глазами увидеть, что она работает. По-настоящему, не в симуляции. А там хоть отпусайте.

Он смял стаканчик и сунул его в карман куртки.

— В воскресенье приходи ко мне. Отметим нормально, не из бумажных стаканчиков. Мама пирог испечёт, она про тебя спрашивала.

— Я подумаю.

— Ты всегда так говоришь, Святоша.

— Значит, всегда думаю.

В час ночи он ушёл первым. У двери обернулся, и я сказал ему:

— До понедельника, начальник.

— Не называй меня так, — поморщился он. — Мне не идёт.

Это был последний раз, когда я видел его наверху.

В воскресенье я к нему не пошёл. Проспал до вечера, потом сидел на диване и смотрел в стену, на которой не было картин. Мне казалось, что воскресений впереди ещё много.

V. Актуальная бесконечность

В понедельник я вышел из дома раньше обычного. Сам не знаю почему. Может, хотел первым поздравить Семёна с новой должностью. А может, просто не мог больше сидеть в квартире, где на стенах ничего не висит.

К половине восьмого час пик на Китай-городе уже схлынул, а ночная толпа ещё не собралась. Улицы были полны людей переходного вида: одни ещё в офисных пиджаках, другие уже в чём-то блестящем, либо же полностью черном. Мимо прошёл парень, уткнувшийся в телефон, задел меня плечом и не поднял головы.

Я шёл, глядя под ноги, и слушал город вполуха, как слушаю диктора в автобусе. Обрывки чужих разговоров текли мимо, не задерживаясь. «...скинь мне до завтра...» «...да он вообще неадекват...» «...а потом мы поехали...»

И вдруг:

— ...нет, ты не понимаешь, это не потенциальная бесконечность. Актуальная. Она не растёт, она уже вся есть.

Я остановился так резко, что сзади на меня кто-то налетел и выругался.

Голос был женский, низкий и чуть насмешливый. Я обернулся. Она уже прошла мимо, и сначала я увидел её только со спины: тёмно-лиловые волосы, остриженные неровно, будто она сделала это сама перед зеркалом, огромное паль-

то с чужого плеча, тяжёлые ботинки. На Китай-городе таких сотни. Но у сотни других в разговоре не бывает актуальной бесконечности.

— Как в отеле Гильберта, — говорила она в трубку. — Все номера заняты, а место для нового гостя всё равно находится. Надо просто всех сдвинуть на один номер. Да не смейся ты.

Я пошёл за ней. Не догоняя, на расстоянии, как идут за человеком, которого боятся потерять из виду и боятся окликнуть. Я никогда так не делал. Ни разу за двадцать пять лет.

— Кантор же сам писал, что абсолютную бесконечность нельзя постичь, — сказала она. — Только признать. Он вообще думал, что это Бог. Ну да, а потом сошёл с ума. Одно другому не мешает.

На перекрёстке она остановилась на красный и повернула голову, и я увидел её лицо.

Я всегда сначала смотрю в глаза. Это единственное зеркало, которое не мутнеет. По глазам видно, есть ли за ними кто-нибудь. У людей в метро там только отражение экрана, у начальства — отражение отчётов, у меня, наверное, зелёные точки. А у неё глаза были полные. Серые, с тёмным ободком, внимательные, будто она смотрела не на светофор, а сквозь него, на то, что за ним. Она говорила по телефону и при этом смотрела на город. Я уже забыл, что так бывает.

Она была красивой, но не той красотой, что на рекламных щитах над Солянкой. Бледная, с веснушками, с серебряным

колечком в брови, с обкусанным чёрным лаком на ногтях. Такую красоту не замечают сразу. Её узнают.

И тогда меня накрыло.

Вера смотрела так же. Не похоже, а именно так же: сквозь вещи. Мы познакомились в седьмом классе, когда она пересела ко мне за парту, потому что с моего места было лучше видно доску. Я любил её двенадцать лет, почти половину жизни. Четыре года назад она ушла. Сказала, что я живу так, будто стою на остановке и жду автобус, который давно отменили. Я не нашёл, что ответить. Я переехал на окраину с двумя коробками и так их и не распаковал.

Загорелся зелёный. Девушка перешла улицу, и я перешёл следом.

— Ладно, всё, я дошла, — сказала она в трубку. — Целую.

Она убрала телефон в карман пальто, сделала ещё три шага и обернулась так резко, что я чуть не налетел на неё.

— Вы так и будете за мной идти до самого дома?

— Простите. Я не... Вы сказали «актуальная бесконечность».

— Сказала, — она подняла бровь с колечком. — Это теперь повод преследовать?

— Нет. Просто я впервые слышу это на Маросейке.

Она засмеялась.

— А где обычно слышите?

— Нигде. Я работаю с автобусами.

— С автобусами, — повторила она, как будто это всё объ-

ясняло. — И что автобусам нужно от бесконечности?

Я мог бы рассказать ей про табло. Про обрыв следа в 1:47. Про две петли на обороте моего отчёта, сложенные вчетверо во внутреннем кармане.

— Мой друг хочет, чтобы они никогда не возвращались в парк.

— Красиво. А вы чего хотите?

Я не знал. Вместо ответа я спросил:

— В чём разница? Между потенциальной и актуальной.

Она посмотрела на меня внимательнее, будто решала, стоит ли объяснять.

— Потенциальная — это когда ты всё время добавляешь ещё одну единицу. Ещё шаг, ещё число, ещё исправление. Идёшь и никогда не приходишь. Она всегда «почти». А актуальная — это когда она уже вся здесь. Ты к ней не идёшь. Ты в ней стоишь.

— И как в ней оказаться?

— Перестать прибавлять, наверное, — она пожала плечами. — Не знаю. Я только диплом пишу.

Я вспомнил зелёную точку четырнадцатого маршрута, которая вернулась в график сама, когда я убрал руку с мыши.

— У вас глаза человека, который давно не спал, — сказала она.

— Я сплю. Днём.

— Это не считается.

Она посмотрела на часы и кивнула вниз, туда, где улица

спускалась к Солянке.

— Мне туда. Лида.

— Павел.

— Павел, — повторила она, будто пробуя имя на вкус. — Вам идёт. Серьёзное имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.